

Институт филологии Сибирского отделения
Российской академии наук
Institute of Philology of the Siberian Branch of
the Russian Academy of Sciences

Лаборатория вербальных культур Сибири и Дальнего Востока
Laboratory of the verbal cultures of Siberia and the Far East

**«Сюжетология / сюжетография – 7: Литературные
константы и культурные универсалии»**

Тезисы докладов Всероссийской научной конференции
Новосибирск, 18-20 мая 2021 года

у епанчи появляется еще одно волшебное свойство – распространять благоухание.

Русский перевод французской сказки, насколько он реконструируем по имеющимся у нас спискам, не удалился от оригинала. В то же время ряд пропусков и переосмыслений позволяют связать их с «системой координат» русской культурной ситуации и литературной традицией.

Литература

Белова О. В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2011. 318 с.

Ortenzio D., d' La renaissance du Phénix: Mythe(s) et symbole(s). Dossier de cours. Université de Lausanne, 2011. 22 p.

Б. В. Орехов

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ФАБУЛ Р. Г. НАЗИРОВА

Речь идет о докторской диссертации Р. Г. Назирова «Традиции Гоголя и Пушкина в русской прозе XIX в. Сравнительная история фабул». Работа была написана в конце 1970-х – начале 1980-х годов, была защищена в виде научного доклада в середине 1990-х и полностью опубликована только в конце 2020 г. [Назирова, 2020] Несмотря на размещенный в свободном доступе автореферат и отдельные главы, обнародованные в периодике, в целом это малоизвестный текст, богатый при этом интеллектуально и эвристически.

Работа построена как историко-литературный анализ 10 инвариантных мотивных комплексов, 5 из которых, по мнению Назирова, восходят к Пушкину и 5 к Гоголю. Каждый комплекс, однажды заявив о себе в «сильном» тексте, в дальнейшем реализуется в повествовательных произведениях на протяжении двух веков, меняя имена персонажей, обстоятельства и трактовки. Такие комплексы сам Назиров называет «фабулами».

Характерный пример – «фабула об ограблении бедняка». Она восходит к «Станционному смотрителю» и «Медному всаднику»: отнятие у бедняка его единственного сокровища (например, Дуни у Самсона Вырина) приводит к бессильному бунту протагониста против необоримых обстоятельств («Медный всадник»). Важно, что всё это происходит на фоне петербургского топоса, который выступает обязательным атрибутом нарратива. Затем этот же мотивный комплекс подхватывается Гоголем («Шинель»), реализует себя в «Бедных людях» Достоевского, «Белом орле» Лескова, трагедизируется в «Смерти чиновника» Чехова и дальше

уже существует как петербургская легенда в произведениях А. Белого, А. Блока, А. Грина, В. Каверина, Ю. Тынянова и О. Форш.

Тщательно анализируя фактический материал, Назиров не склонен его обобщать, а теоретическая рамка, которая всё же присутствует в его работе, выглядит неорганичной и искусственной. Еще при поступлении в аспирантуру Назиров пишет в дневнике: «Ненавижу теорию», и эта эмоция сохраняется и при подготовке докторской диссертации. Вызывает вопросы сам центральный термин «фабула», который, как кажется, должен быть понят не в соответствии с советской терминологической традицией, а как «сюжет» по А. Н. Веселовскому.

Назиров вводит несколько терминов, описывающих характер трансформаций мотивных комплексов в процессе их наследования внутри традиции: *переакцентировка* (изменение мотивировки действия: судьба легенды о Фаусте), *редукция* (упрощение комплекса – от «Таинственной усадьбы» Бальзака до «Мазепы» Словацкого), *амплификация* (усложнение: введение линии Маргариты в I часть «Фауста»), *конверсия* (замена главных элементов парадоксально противозначащими — от «Когда из мрака заблужденья...» до «Преступления и наказания»), *парафраза* (замена содержательных реалий: от «Бури» Шекспира до «Робинзона» Дефо), *комбинирование* (например, нанизывание фабул, как в «Гекльбери Финне»).

Работавший, как и Назиров, с трансформацией внутри традиции Г. Блум также говорит о 6 тропах [Блум, 1998]. Переакцентировка примерно соответствует тому, что Блум называет *тессера*, редукция напоминает *аскесис*, конверсия — *кеносис*. При этом *клинамен* Блума может быть любым способом варьирования по Назирову.

Сравнение классификаций выявляет их туманные зоны. Например, не ясны отличия конверсии от переакцентировки. Мы могли бы ожидать большего сходства.

Литература

- Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург, 1998.
Назиров Р. Г. Традиции Гоголя и Пушкина в русской прозе XIX в. Сравнительная история фабул // Назировский архив. 2020. № 4. С. 34–261.